

КОНЦЕПЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА (на примере Татарстана)

© Р.Р. Хуснутдинова¹, И.М. Юсупов²

¹Набережночелнинский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 423806, Республика Татарстан,
г. Набережные Челны, пер. Железнодорожников, 9А
ул. Низаметдинова Р.М., 28

²Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
Российская Федерация, 420111, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Московская, 42

Поступила в редакцию 17.04.2023

Окончательный вариант 24.05.2023

■ Для цитирования: Хуснутдинова Р.Р., Юсупов И.М. Концепция межэтнической безопасности региона (на примере Татарстана) // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2023. Т. 20. № 2. С. 199–216. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.2.15>

Аннотация. Когда возникает социальное и экономическое неблагополучие в регионе, сознание субъекта начинает искать образ врага, который чаще фокусируется на представителях национальных диаспор. Нарастает межэтническая напряженность. Дистанция между этнофорами и этносами возрастает до полного взаимного неприятия в своем ареале. В обострившейся ситуации социальная безопасность населяющих регион народов проходит испытания своей устойчивости. В статье выдвигается концепция межэтнической безопасности, основанной на минимизации угроз, осознаваемых этносом как проблема. Индикатором неустойчивой безопасности выступает нарастание напряженности. Субъективно безопасность выражается в отсутствии страха перед внешними угрозами [1]. Его предикторы: численный и статусный дисбаланс этносов; их гиперидентичность; незанятость населения; его низкая образованность; интолерантность. Перечисленные социально-психологические конструкты наблюдаются визуально и фиксируются маркерами массового поведения. Цель теоретико-эмпирического исследования – различать проявления аномалий этнического самосознания и противостоять экстремистским акциям, провоцирующим межэтнические и межконфессиональные конфликты. Было проведено эмпирическое изучение межэтнической дистанционности трех народов – русских, татар и чувашей, составляющих 96 % населения региона. Репрезентативная выборка включала 946 человек. По массиву эмпирических данных были вычислены общие и индивидуальные оценочные диапазоны дистанционности этносов. Предикторы нарастания межэтнической напряженности в регионе образуют структурный пентабазис. Превышение приемлемой для этноса «нормы» любого из них вызывает латентный ропот этнофоров. Превышение «нормы» двух сигнализирует о нарастании протеста. При трех и более в любом сочетании – возможно массовое неповиновение, угрожающее безопасности.

Ключевые слова: концепция, межэтническая напряженность, предиктор, этносы, дистанционность.

THE CONCEPT OF INTERETHNIC SECURITY OF THE REGION (on the example of Tatarstan)

© R.R. Khusnutdinova¹, I.M. Yusupov²

¹Naberezhnye Chelny State Pedagogical University 28, Nizametdinova R.M. st., 9A, Railwaymen Lane, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423806, Russian Federation

²Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov 42, Moskovskaya st., Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation

Original paper submitted 17.04.2023

Revision submitted 24.05.2023

■ For citation: Khusnutdinova R.R., Yusupov I.M. The Concept of Interethnic Security of the Region (on the example of Tatarstan) Vestnik of Samara State Technical University. Series Psychological and Pedagogical Sciences. 2023; 20(2): 199–216. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.2.15>

Abstract. When there is a social and economic disadvantage in the region, the consciousness of the subject begins to look for the image of the enemy, which more often focuses on representatives of national diasporas. Interethnic tensions are growing. The distance between ethnophores and ethnoses increases to complete mutual rejection in their area. In an aggravated situation, social security. The paper puts forward the concept of interethnic security based on minimizing threats perceived by the ethnos as a problem. An indicator of unstable security is an increase intension. Subjectively, security is expressed in the absence of fear of external threats [1]. Its predictors include: numerical and status imbalance of ethnic groups; their hyperidentificity; unemployment of the population; its low education; intolerance. The listed socio-psychological constructs are observed visually and recorded by the corresponding markers of individual and mass behavior. The purpose of theoretical and empirical research is to distinguish between manifestations of anomalies of ethnic identity and to resist extremist actions provoking interethnic and interfaith conflicts. An empirical study of the interethnic distancing of three peoples – Russians, Tatars and Chuvash – who make up 96 % of the region's population was conducted. The representative sample included 946 people. Based on an array of empirical data, general and individual estimated ranges of ethnic groups' distance were calculated. Predictors of increasing interethnic tension in the region they make up a structural pentabasis. Exceeding the acceptable for an ethnic group «norms» of any of them causes alatent murmur of ethnophores. Exceeding the «norms» of the two signals about the increase in protest. In case of three or more in any combination – mass disobedience is possible, threatening security.

Keywords: concept, interethnic tension, predictors, ethnic groups, distancing.

Введение

Население Татарстана по праву относится к консоциативным общностям (от англ. Consociation – «объединение») – это массовое целостное объединение этнофоров, имеющее внутренние разделения по этническому и религиозному признакам без доминирования одного из них. Подтверждением служат данные Татарстанстата [2]: население республики численностью 3 902 888 человек, в числе которых 21,4 % лиц с высшим образованием, составляют татары (53,20 %), русские (39,70 %), чуваша (3,10 %). Численность прочих населяющих регион народов в сумме не превышает 4 %.

Межэтническая напряженность – не открытый конфликт, а культурная предрасположенность этносов к нему [3]. В межэтническом взаимодействии за маркеры напряженности можно принять: размытое или концентрированное расселение этнических общностей, степень их урбанизации; контактность/дистанцированность общения; религиозный состав населения, толерантность/интолерантность к соседствующим национальным культурам; этнический состав трудовых коллективов; наличие/отсутствие билингвизма; доступность престижных сфер занятости (управление, бизнес, наука, общественная деятельность) для нетитульных этносов [4]. В межличностных отношениях маркерами напряженности могут служить: гипер- или гипоиdentичность этнофоров, адекватность сложившихся у них этнических авто- и гетеростереотипов, представленность межэтнических браков, приверженность национальным и религиозным обычаям, ритуалам.

Предикторами нарастания психологической напряженности выступают ее базовые составляющие: численный и статусный дисбаланс этносов региона; их ментальная и правовая гиперидентичность; социальная и трудовая занятость этнофоров; образованность населения и комплементарность культур народов; обобщает их межнациональная и религиозная толерантность.

Базовый комплекс безопасности пребывает в неустойчивом равновесии до первых провокаций. При внешнем стимулировании недовольства хрупкий комплекс межэтнической безопасности в самом тонком месте дает трещину, которая без купирования расширяется довольно быстро. Триггером к протесту может стать нанесенная этнофору обида в распределении гуманитарных предпочтений, властных полномочий или ущемление прав на свободу вероисповедания.

Обзор литературы

Незанятость масс неминуемо приводит к поиску средств к существованию, который приобретает антиобщественный характер и нередко завершается криминальными действиями. В занятости российского населения отмечается ряд проблем, в числе которых выделяется социально-психологический аспект [5]: снижение естественного прироста населения; усиление внешней и внутренней миграции; диспропорции, вызванные профессионально-квалификационным дисбалансом между подготовкой специалистов и их реальной востребованностью. По данным формы 2-Т, на первый квартал 2022 г. число безработных в Республике Татарстан составило 10 114 человек; в их числе – жители городов 80,7 % (в 2020 г. – 85,6 %; в 2021 г. – 82,2 %). Проблема остро стоит перед выпускниками учебных заведений в возрасте 18–24 лет, имеющих среднее

профессиональное или высшее образование (0,5 % от общего числа безработных). Незанятость активной части населения в возрасте 18–50 лет вызывает брожение умов и провоцирует на антисоциальные массовые выступления. На региональном (национальном) уровне в сложившейся ситуации отмечаются [6]: демографический кризис, обострение социально-психологического климата, появление свободного времени, утрата жизненных перспектив на обозримое будущее. Профессионально-социальная незанятость населения, по взглядам Э. Хоффера [7], стимулирует социальную напряженность.

Во второй половине 2000-х годов по России прокатилась череда протестов на основе межэтнических и социальных противоречий. Существуют попытки объяснить причины протестов несоответствием завышенных ожиданий субъектов и реальности [8]. Аккумулируемое недовольство масс перерастает в протестное движение с поиском виновника возникшего кризиса [9]. Научно обоснованные принципы регулирования и канализации массового недовольства были сформулированы Питеримом Сорокиным [10]. Чем острее неудовлетворенность этнофоров, тем выше пассионарная напряженность недовольных, базирующаяся не только на осознании своей «второсортности», но и на желании манифестировать свою диспозицию в сочетании с неумным стремлением большинства изменить сложившуюся ситуацию [11]. Рост численности незанятых трудом и социально незащищенных лиц усиливает напряженность полиэтничной общности. В исследовании [12] были подробно описаны маркеры, вызывающие протестные настроения, которые численно фиксировались индексом «потенциал протестной активности». Он оценивался экспертами в баллах и мог принимать значения от 1 до 10. Чем выше его значение, тем больше вероятность возникновения протеста. Среди наиболее весомых маркеров отмечаются *статусные*: замкнутость правящих элит; назначение на руководящие должности не по способностям и заслугам, а по признаку личной преданности; *социальные*: нереальность для представителей нетитульных народов попасть в служебно-карьерный лифтинг, аффилированность средств массовой информации с властью, что выражается в отходе их от освещения острых проблем в диалоге «власть – население».

Обобщенные итоговые значения «потенциала протестной активности» по обследованию четырех регионов РФ в 2018 году распределились следующим образом: Республика Адыгея – 5,14; Республика Татарстан – 4,75; Ярославская область – 4,67; Воронежская область – 4,57. Среднее значение – 4,76. Несмотря на то, что вычисленные индексы различаются в сотых долях между Татарстаном и областями Российской Федерации, на практике жители нетитульных регионов при их конституционном равенстве (по ст. 28 и 29 Конституции Республики Татарстан) воспринимают негласные ограничения остро эмоционально.

Маркеры трудовой и социальной незанятости обозначают резидуальную избыточность специалистов с гуманитарным образованием, квалификация которых оказывается невостребованной (статистически каждый пятый житель Татарстана имеет диплом о высшем образовании). Эти лица находят себе применение в сфере социальной занятости: организуют массовые шествия, зрелища, состязания, зоны отдыха и развлечений, патронируют нуждающихся в социальной поддержке, проверяют свою удачливость в частной торговле, предпринимательстве.

Дисбаланс расселенных в любом регионе титульного народа и этнических соседей вносит свой акцент в межэтническую напряженность. Это прежде всего относится к их численному и статусному присутствию в органах управления краем. По состоянию на 2022 год в составе Кабинета министров Республики Татарстан из 37 персон, занимающих ответственные должности, лишь 8 человек (22,8 %) носят русские имена при соотношении русского населения к татарскому 39,7:53,2=74,6 % [13]. Подобная картина наблюдается и в Государственном Совете республики: из 100 выборных членов 68 человек – представители татарской национальности [14].

Численная диспропорция мест отправления культа – еще один маркер, стигмулирующий глухой ропот одного коренного народа в адрес другого. В Татарстане действуют тысячи культовых сооружений: из них 1524 мечети [15] и 462 православных церкви (по данным Казанской митрополии). Здесь следует упомянуть об исторических причинах возникшей диспропорции. В пережитую эпоху воинствующего атеизма большевики уничтожали церквей больше, чем мечетей, поскольку первые отличались от вторых дорогостоящим внутренним убранством. Курс, взятый на индустриализацию, требовал драгоценностей на приобретение импортного оборудования. В постсоветский период восстановление разрушенных и строительство новых христианских храмов оказалось многократно дороже реставрации мечетей. Дисбаланс виден в соотношении официально зарегистрированных культовых организаций (см. таблицу). [16]

Численность действующих религиозных организаций в Татарстане
[realnoevremya.ru]

Религиозные организации	Количество
Мусульманские суннитские	95
Христианские православные	53
Христианские протестантские	34
Христианские старообрядческие	3
Иудейские	2
Христианские католические	1
Армянская апостольская церковь	1
Организации мормонов	1
Организации бахаистов	1
Организации буддистов	1
Организации кришнаитов	1
Всего	193

Культурная и духовная жизнь коренных этнических соседей – вопрос далеко не праздный. Для полноценного осознания себя гражданами республики проживающим народам необходимо воспринимать себя равноценными партнерами в разных сферах жизни: производительной, культурной, духовной и представленной во власти. Малочисленными национальными диаспорами эти неразрешенные позиции воспринимаются болезненно.

Идентичность. Психологическая сущность этнической самоидентичности однозначно не определена ввиду сильных отличий признаков, по которым

разные ученые выстраивают эту философскую конструкцию. В последующих рассуждениях будем опираться на предлагаемое обобщенное определение: идентичность – это устойчивый комплекс представлений о реально отличительных и интегральных признаках жизнедеятельности этноса [17].

Исторически со дня падения Казанского ханства в 1552 году население междуречья Волги и Камы прирастало русскоязычными семьями. За минувшие почти пять веков сменилось около 200 поколений. Естественная ассимиляция народов при плотном заселении края дала свои плоды: сегодня трудно отыскать коренного жителя, решившегося на документальное подтверждение своей мононациональной родословной. Многовековое взаимопроникновение культур детерминировано схожими, но не тождественными религиозно-нравственными канонами домостроя и шариата, и носит распознаваемый этническими соседями код. Это прослеживается в сохранности обычаев, ритуалов, традиций народных и религиозных празднеств, совместно отмечаемых этнофорами независимо от их вероисповедания и идеологических взглядов. Поликультурность региона была отмечена европейцами еще в середине XIX века. Вот как описывает национальный состав казанского общества британский подданный Эдвард Турнерелли [18, с. 215–216], оказавшийся на приеме в честь посещения Казани великим князем (будущим императором Российской империи Александром II) в 1837 году: «...Особенно изумили меня присутствующие в салоне представители, по крайней мере, двенадцати наций! Здесь можно было встретить русских, татар, монголов, казаков, персов, турков, армян, поляков, немцев, французов, итальянцев, был один англичанин и даже тибетский лама. Можете представить себе подобную смесь национальностей... Рядом с русскими дамами, столь же грациозными, сколь и элегантными, одетыми по последним парижским журналам мод, прохаживались купеческие жены и дочери, наряженные в национальные костюмы – сарафаны и кокошники. Здесь же были женщины в татарских костюмах, украшенных позолотой и массивным шитьем, в шапочках, подбитых мехом, с лицами, спрятанными под вуалью из ткани, вышитой золотом. Русский кафтан соседствовал с татарским халатом, турецкий тюрбан – с персидской или монгольской чхокхой; парадный военный костюм – с элегантным фракком...»

В Татарстане культурное взаимодействие не входит в число проблемных вопросов. Напротив, оно стимулирует международное сотрудничество. Тому доказательство: более десяти тысяч студентов из дальнего зарубежья учатся в университетах, а многие инновационные проекты реализуются в сотрудничестве с иностранными фирмами.

Один из индикаторов формирования региональной идентичности народов – законодательно утвержденный государственный билингвизм. Изучение двух языков мотивируется начиная с дошкольных учреждений, пролонгируется в школе, а утилитарное владение ими требуется от служащих государственного аппарата и от работников социальной сферы жизнеобеспечения. Маркером совместимости коренных русских и татар может служить их культурная дистанция. Чем она больше, тем сильнее действует защитный механизм вытеснения ритуалов и традиций соседствующего народа. Чем сильнее разрушена культура своего этноса, тем агрессивнее выпады в сторону иной этнической культуры. В новейшей истории десятилетиями тлеют армяно-азербайджанский,

англо-ирландский, сербско-косовский и другие конфликты в разных регионах планеты.

Весомым критерием размытой идентичности служат межнациональные браки. Татарстан – гетероэтническая республика, приютившая представителей 130 разных наций и народностей. В полиэтничном обществе контакт разнополых представителей разных этносов естественен. В добрачный период отношений осложнения не возникают. Стремление разноэтнических влюбленных войти в брачный союз нередко вызывает протест со стороны родственников жениха или невесты – блюстителей «национальной рафинированности». Субъективный фактор, препятствующий заключению межнациональных браков, – сложившийся родительский комплекс религиозно-культурных традиций, создающий у них осознанную установку на сохранение своей этногенетической родословной; в подавляющем большинстве случаев он наблюдается в сельской местности [19], реже – в урбанизированной среде. Этому способствует и межпоколенно передаваемая из уст в уста накопленная обида титульных народов. Флер второсортности, с которым субъекты имперски доминирующего народа исторически относились к ним, компенсаторно взрастил комплекс национальной гиперидентичности. Гештальт обиды окончательно не закрыт. Феномен чаще обнаруживается в сельской монокультурной среде старшего поколения.

Как отмечается в выводах выполненного исследования [20], жители современного Татарстана соблюдают взаимный баланс этнических интересов для сохранения межэтнической безопасности. Осознание русскими своей вековой укорененности в регионе не вызывает с их стороны явной конфронтации к сложившимся межэтническим отношениям. Региональная идентичность коренных русских даже превосходит этот показатель титульных татар и не уступает в том аналогичному показателю русскоязычных областей России. Вместе с тем пока остаются неразрешенными гражданские проблемы национальных меньшинств, и в их числе – вынужденных мигрантов. Поведенческие акты аккультурационных стратегий национальных меньшинств ситуативны. Они склонны проявлять сепаратистские ориентации к межэтническим бракам, ассимиляционные – к элементам материальной культуры и интеграционные – к общенародным празднествам [21].

Образованность масс. Значение общего и профессионального образования для безопасности этносов многонациональных регионов страны в последние десятилетия было недооценено. Безопасность в образовании способствует минимизации рисков в позитивном психосоциальном развитии личности, в число которых входят и риски межэтнических конфликтов [22]. В эпоху взрыва этничности в постсоветской России поколению детей не давали знаний о нормах сосуществования разных народов, а иногда и о соседстве с иными культурами. Позднее выяснилось, что в дошкольных учреждениях вербальный метод полиэтничного воспитания усваивается детьми поверхностно и не оставляет эмоциональных следов [23].

Установлен факт: чем ниже образованность этнофоров, тем выше индекс межэтнической напряженности соседствующих этнических общностей. Его наибольшее значение зафиксировано в группах с неоконченным средним образованием [24]. Дальнейшее изучение межэтнических отношений студентов показало, что их внешняя лояльность к «иным» лицам не нейтрализует скрытой

настороженности. Измеренный коэффициент межнациональной толерантности подтвердил латентно зреющие межнациональные проблемы. Также выявлены факторы межэтнической напряженности, негативно влияющие на образовательную среду в вузе: стойкие этнические гетеростереотипы студентов; контрасты в их общекультурной подготовке; дремлющая конфликтогенная ситуация в учебном процессе на почве устоявшихся этнических аттитюдов [25]. Образованность не только повышает культуру, но и приобщает этнофоров к ценностям разных народов независимо от их конфессиональной ориентации, титульности или доминирующей численности в регионе.

Толерантность. Неблагоприятным посылом к усилению межэтнической напряженности является формирование у этноса негативных гетеростереотипов по отношению к территориально соседствующему народу [26]. Тем самым массы отвлекают от возникших экономических и политических проблем. Эти приемы отшлифованы от Средневековья до современности всеми империями мира. При возникающей угрозе общественного кризиса для сохранности этноса и манипулирования его сознанием создаются идеологические конструкты – этнические знаки, ипостась которых – в предельно концентрированной форме транслировать идею в массы. Создается субстанциональная система знаков национальной принадлежности, сепарирующая «своих» от «чужих» [27]. Маркерами (символами) могут стать: исторические обиды, вероучения, эпос, сложившиеся каноны народного уклада, национальный язык, искусство, ритуалы, обычаи и другие консолидирующие народ символы.

«Своеобразие становления толерантности как социокультурной нормы в постсоветской России связано с одновременной, а не последовательной (как в Западной Европе) актуализацией всех типов (эндогенного и экзогенного) плюрализма и стремлением к признанию широкого спектра субъектов социокультурной деятельности, что обуславливает повышенную конфликтогенность» [28, с. 13]. Отсюда следует, что национальный компонент культуры для сохранения социальной безопасности многонационального региона призван акцентировать аттитюды этнофоров на конструктивное взаимодействие с носителями разных этнических ценностей. В научно обоснованном аспекте путь усматривается в установлении структуры межэтнической напряженности и функциональной связи целостного явления с его компонентами через выявление конфронтационных узлов [29].

Рассмотренные выше психосоциальные феномены создают неустойчивое равновесие социальной безопасности в полиэтничном регионе, оповещающее об этом через нарастание межэтнической напряженности. Опираясь на принцип системности, мы выстроили структурно-функциональный гештальт конструкта межэтнической напряженности. Допускалось, что каждый элемент базового множества неделим внутри целого, а в поведенческих маркерах этнофоров они могут визуально фиксироваться внешним наблюдателем (рис. 1).

В центре пятилучевой звезды лежит межэтническая напряженность. По периметру пентабазиса размещены неразрешенные травмирующие комплексы этносов. Три из них (межэтническая диспропорция – занятость населения – его образованность) имеют объективную основу, а замыкающие контур (идентичность – толерантность) составляют субъектно отражаемую реальность. На рис. 1 начертаны аномальные варианты этнических симптомокомплексов

Рис. 1. Предикторы нарастания межэтнической напряженности и их маркеры (распознаваемые поведенческие акты этносов)

в ситуации, угрожающей зыбкой безопасностью в регионе: дисбаланс этносов – незанятость населения – его низкая образованность – гиперидентичность этнофоров – интолерантность этносов. Гештальт межэтнической напряженности структурирован в пентабазисе по признаку смежности симптомокомплексов, поскольку внешняя активация любого из них индуцируется в смежных с ним комплексах. На лучах звезды разместились прогностические или резидуальные маркеры – поведенческие признаки, сигнализирующие внешнему наблюдателю об аномальном проявлении психотравмирующих предикторов.

Концепция межэтнической безопасности. Опираясь на обозначенные общеметодологические положения, осмелимся высказать концепцию: неразрешенные симптомокомплексы этносов региона – это имплицитные предикторы межэтнической напряженности, несущие отрицательный заряд неустойчивой безопасности. Функции травмирующих комплексов – служить психологической защитой этносов в высокоэнтропийной ситуации. Нанесенные ранее обиды аккумулируются в памяти, что в будущем реализуется в поступках разной

модальности: от недовольного ропота через межэтническое дистанцирование до публичных манифестаций гражданского протеста. Согласно теории атрибуции [30] восприятие поступка искажается интерпретацией его мотивов. «Обиженный» субъект обычно дает толкование тому или иному поведенческому акту этнического соседа исходя из своего жизненного опыта и традиций родной для него культуры. Для полиэтничного региона подобные когнитивные ошибки типичны.

В повседневной жизни различия между диспозиционными и ситуативными детерминантами поступков нередко подвержены влиянию внешних причин. При численной сопоставимости в регионе коренных народов (проживающих в ареале минимум в четвертом поколении) ущемление конституционного равенства любого из них субъективно воспринимается как несправедливость. Объективно это могут быть факты статусного и численного дисбаланса этносов во властных структурах, трудовой и социальной незанятости населения, а также его низкой общей и профессиональной образованности. Возникает когнитивный диссонанс между правом и реальностью. Чем больше диссонанс, тем выше вероятность конфронтации между субъектами, социальными группами и властью [31], что может выражаться в крайних протестных формах. Социально-психологические приемы демпфирования протестного движения масс в таких ситуациях показали свою позитивную результативность [32] при рационально выбранном сценарии переговоров.

Подтверждение или опровержение выдвинутой концепции попытаемся найти в эмпирическом исследовании. Объективный критерий межэтнической безопасности – взаимоприятие коренных народов, исторически проживающих в регионе. Индикатор межэтнической напряженности отношений – взаимная дистанцированность этносов в их численном выражении.

Материалы и методы

Было проведено исследование русских, татар и чувашей – трех этносов, наиболее представленных в Татарстане по своей численности. Цель: изучить межэтническую дистанцированность этих народов Татарстана [33].

Каждому анонимному респонденту предлагалось для себя установить степень психологического принятия представителя соседствующих народов, отдав предпочтение только одному из предлагаемых критериев, которые формулировались следующим образом: «Для меня возможно и желательно в отношении людей данной национальности (какой именно, указывалось конкретно) принять его:

- как близкого родственника, заключив с ним брачный союз;
- как личного друга, с которым разделит бы радости и тяготы жизни;
- как соседа по квартире, дому, даче;
- как коллегу по работе, имеющего такую же, как у меня, профессию;
- как гражданина моей республики со всеми гражданскими правами;
- только как туриста на территории моего проживания;
- предпочел бы не встречаться с ним в моей республике».

Выборка составила в своей генеральной совокупности 946 человек из разных районов Республики Татарстан (в том числе пограничных с соседствующими областями) в возрасте от 20 до 65 лет. Измерения проводились по методике Э. Богардуса в шкале интервалов [34].

Результаты исследования

При обработке эмпирических данных каждой градации приписывалось единственное количественное значение: от +3 (принять как родственника, как супруга) до -3 (отторжение этнофора вплоть до репатриации его за пределы своей республики). Этнопсихологическая дистанция межэтнического общения народов Татарстана подсчитывалась по специальной формуле. Результаты представлены графически (рис. 2 и 3). Векторы вычерчены в одном масштабе, их направление и длина указывают на тесноту приемлемых взаимоотношений этносов.

Очевидно, что более всех дистанцируются интеллигенты села, стремясь сохранить национальную самобытность и культуру (в отношении русских $t = 2,69$ при $p \leq 0,01$; в отношении чувашей $t = 2,97$ при $p \leq 0,01$; в сравнении с городской татарской интеллигенцией $t = 4,6$ при $p \leq 0,001$ по критерию Стьюдента).

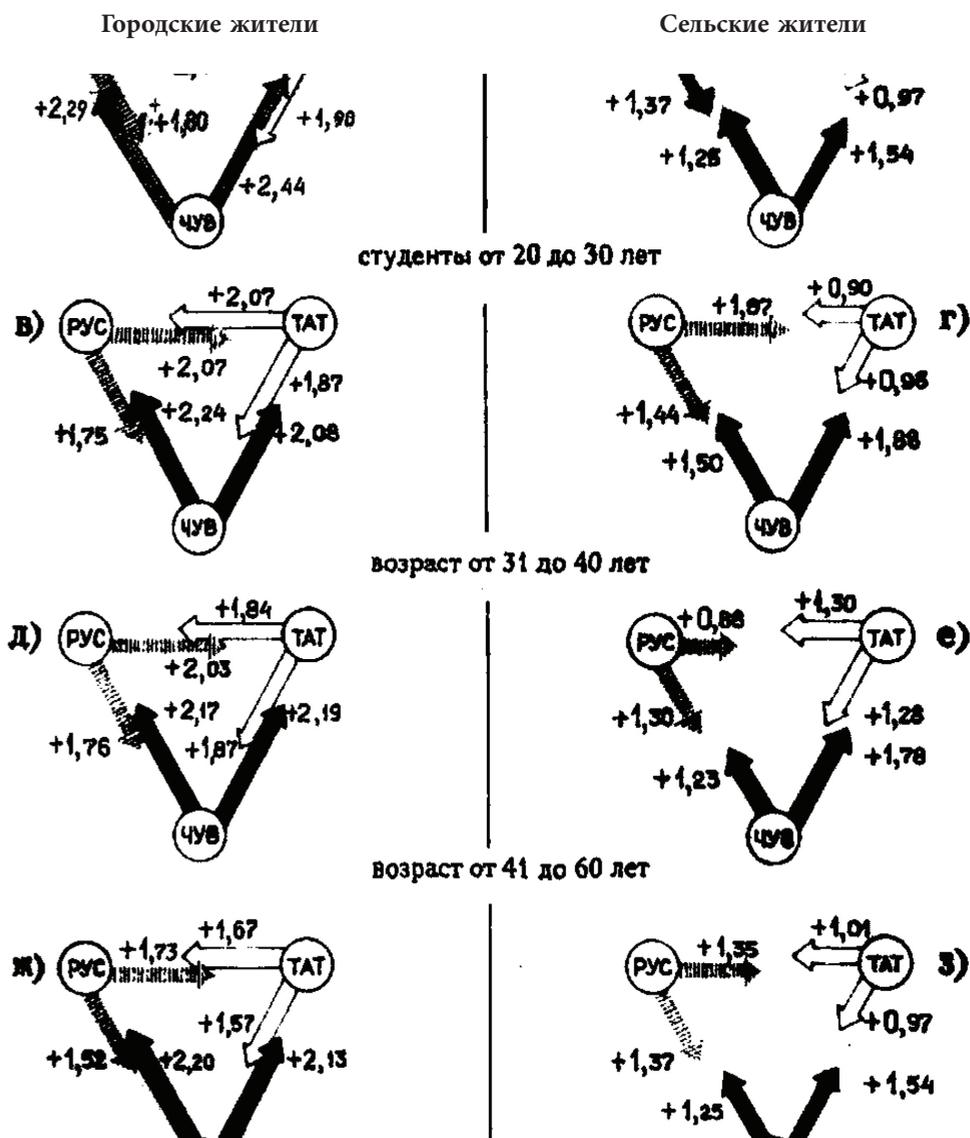

Рис. 2. Межэтническая дистанцированность интеллигенции Татарстана

Объяснение обнаруженному факту следует искать в онтогенезе человека. Сельский студент, получив образование в университете и вернувшись в село уже в статусе сельского интеллигента, вновь оказывается в сложившемся монокультурном пространстве и поневоле становится адептом этнической гиперидентичности (рис. 2, б, г, е, з).

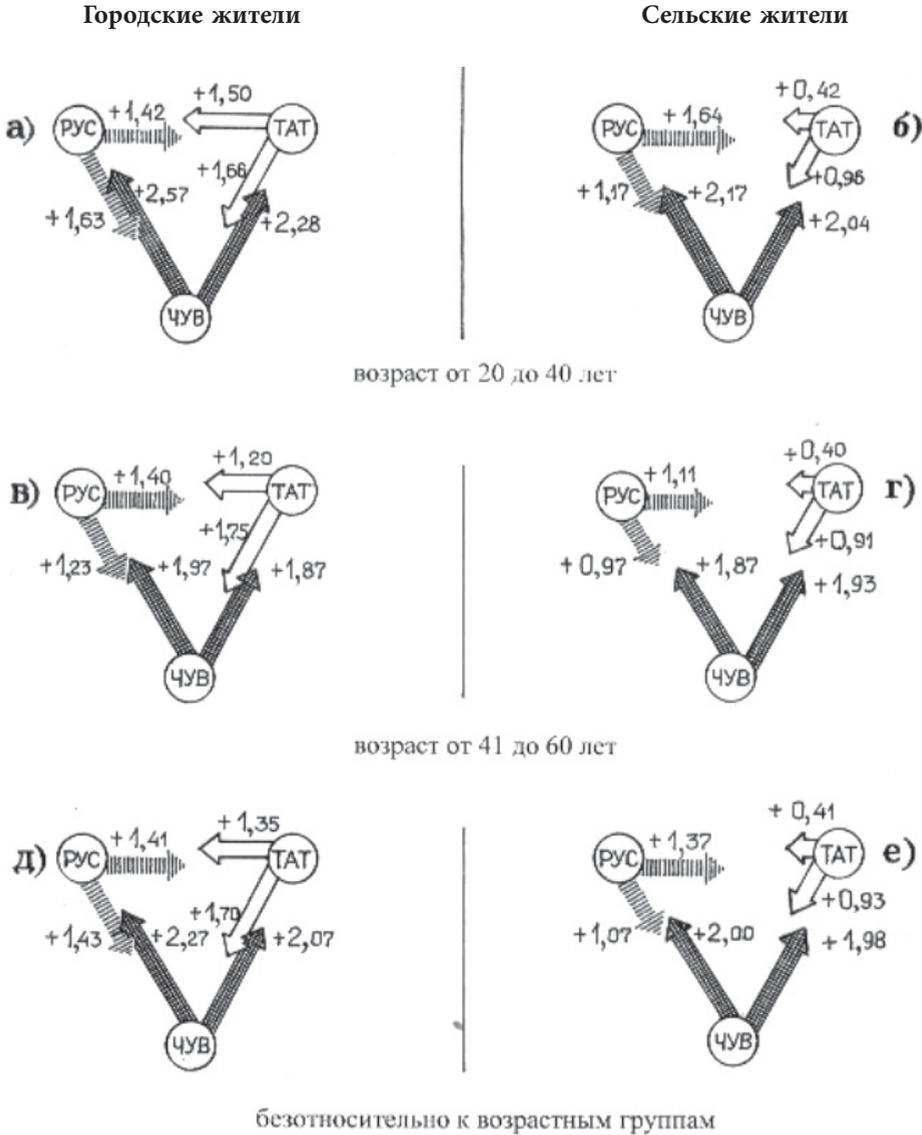

Рис. 3. Межэтническая дистанцированность работников производственной сферы Татарстана

По собранному массиву эмпирических данных были вычислены общие и индивидуальные оценочные диапазоны дистанцированности этносов.

Если взаимная этнопсихологическая приемлемость (ВЭП) положительная и более +1,5, то это свидетельствует о высокой приемлемости людьми субъекта другой национальности, о стремлении к интеграции, близости и диффузии культур, об ассимиляционных тенденциях в целом.

При значениях ВЭП, колеблющихся в диапазоне от -1 до +1,49, стремление к интеграции с соседствующим этносом отсутствует, но отношения между народами могут складываться как толерантные.

Если же ВЭП менее -1, то это свидетельствует о стремлении соседствующих этносов автономизироваться друг от друга, поддерживая по возможности поверхностные, формальные контакты с конкретными представителями другого этноса.

При значениях ВЭП от -2 до -3 говорить о взаимной этнопсихологической приемлемости не приходится, отношения между народами – конфронтационные с возможными скрытыми агрессивными тенденциям.

Численные значения скрещивающихся векторов межэтнической дистанцированности наглядно иллюстрируют этнокультурную диффузию, возникающую в совместной деятельности и исторически детерминированную развитием промышленного производства в республике. Следует учесть существовавшую в СССР организованную миграцию специалистов и рабочей силы на новостройки социализма. В XX веке в Татарстане выросли промышленные города с полиэтничным населением до полумиллиона человек. За вторую половину минувшего века мигрантов первого поколения сменили внуки от интернациональных браков, что способствовало сокращению межэтнической дистанцированности [35].

Что касается дистанцированности сельского населения, занятого в производственной сфере аграрного сектора экономики (рис. 3, б, г, е), то здесь картина имеет несколько иной вид. Причины тому усматриваются две.

Во-первых, сельские поселения в отличие от городских исторически возникали из потребности в посевных площадях и пастбищах. Как правило, их основывали одноплеменные общности. Такое и сегодня наблюдается у малочисленных северных народов. Это приводило к менее плотному расселению в ареале, да и сам аграрный труд не требовал избыточной скученности людей. Контакты с этническими соседями были не ежедневными, а эпизодически-торговыми по причине разделенности большими пространствами. Из поколения в поколение люди воспитывались в условиях монокультуры, сохраняя свой язык, традиции и ритуалы.

Во-вторых, старейшины рода всегда были озабочены возможной утратой национальной самоидентичности и контролировали сохранность генетического кода путем его транспоколенной передачи. Защитную роль играл родительский протест против заключения интернациональных браков. При небольшом выборе в селе это удавалось без особых усилий. На протяжении многих поколений отношение к инородцам оставалось настороженным. Изменения начались с индустриализацией страны, сопутствующим ей оттоком молодежи на учебу в город и последующей ее ассимиляцией в урбанизированной среде с высокой плотностью населения.

Обсуждение и заключение

Наибольшая тенденция к культурной интеграции и ассимиляции с народами Татарстана проявляется у чувашей, наименьшая – у татар. Чем плотнее коммуникации в общении, быту и деятельности между проживающими на ограниченной территории народами, тем выше их этнопсихологическая приемлемость и ассимиляционные тенденции.

Наибольшую склонность к интеграции в межэтнических отношениях проявляет молодежь Татарстана в возрасте до 30 лет. Старшие возрастные группы населения менее тяготеют к кросскультурному взаимодействию с соседними этносами, ограничиваясь профессиональным сотрудничеством.

Образованность этнофоров позитивно влияет на межэтнические отношения, но сложившиеся в детстве паттерны неприязни к конкретному представителю соседствующего народа подсознательно проецируются на весь этнос. Болевые точки неотрагированных психотравм не заживают всю оставшуюся жизнь.

Межэтническая напряженность среди городского населения Татарстана не очевидна. Массовых деформаций этнического самосознания у титульного этноса и соседствующими с ним народами не зафиксировано. Среди социальных слоев населения Татарстана самоидентификация как защитный механизм сохранения своей национальной идентичности проявляется у русских рабочих в городах и у сельских татар, работающих в производственной сфере экономики. В настоящее время гештальт межэтнической напряженности остается незакрытым.

Предикторы нарастания межэтнической напряженности образуют структурный пентабазис. Превышение приемлемой для этноса «нормы» любого из них вызывает латентный ропот этнофоров. Превышение «нормы» двух сигнализирует о нарастании протеста. При трех и более в любом сочетании – возможно массовое неповиновение, угрожающее национальной безопасности.

В новейшей истории известны прецеденты, подтверждающие настоящий вывод: все перечисленные стадии были последовательно пройдены странами Балтии и постсоветской Украиной, что завершилось откровенной конфронтацией с Россией.

Сегодня межэтническая ситуация в республике может оцениваться как приемлемая для сосуществования разных народов. Это видно по притоку в регион переселенцев из ближнего зарубежья. Как свидетельствуют результаты исследования РИА «Новости» [36], Татарстан занял 20-е место в демографическом рейтинге регионов. За последние три года население республики выросло на 0,5 % – до 3,9 млн человек, и в основном за счет мигрантов. При этом естественный прирост населения республики составил только 5,9 тысячи человек, а миграционный – 11,7 тысячи.

Библиографический список

1. *Wolfers A.* Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: John Hopkins University Press, 1962. - 283 p.
2. Республика Татарстан: краткий статистический сборник. – Казань: Татарстанстат, 2022. – 39 с.
3. *Мастикова Н.С.* Межэтническая напряженность в России и Европе (по данным ESS на 2012 г.) // Социологический журнал. – 2016. – Т. 22. – № 1. – С. 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3921
4. *Богатова О.А.* Гармонизация межэтнических отношений в региональном социуме: автореф. дис. ... докт. социол. наук: 20.00.04: защищена 30.4.2004 / Богатова Ольга Анатольевна; Мордовский гос. унт им. Н.П. Огарева. – Саранск, 2004. – 36 с.
5. *Ольховский В.В.* Структурные преобразования занятости населения в современной экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: защищена 20.02.2020 / Ольховский Виталий Владимирович; Всерос. НИИ труда. – Москва, 2020. – 24 с.

6. *Костыря А.В.* Безработица и совершенствование ее регулирования: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: защищена 28.05.2010 / Костыря Анна Васильевна; Белгородский ун-т потреб. кооперации. – Белгород, 2010. – 25 с.
7. *Хоффер Э.* Истинноверующий: Мысли о природе массовых движений // Центр гуманитарных технологий. – Минск, 2001 [Электронный ресурс]. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4270> (дата обращения: 13.02.2023).
8. *Гарр Р.Т.* Почему люди бунтуют. – СПб: Питер, 2005. – 461 с.
9. *Turner R.H., Killian L.M.* Collective behavior: sociology series. New Jersey: Prentice-Hall, 1957. – 547 p.
10. *Сорокин П.А.* Социология революции. – Москва: РОССПЭН, 2005. – 702 с.
11. *Klandermans B.* Collective political action. *Oxford handbook of political psychology*. Oxford: Oxford University Press, 2003.- Pp. 670–709.
12. *Соколов А.В., Палатников Д.Е.* Индексный анализ потенциала протестной активности в субъектах Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 68–74 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41669058> (дата обращения: 14.02.2023).
13. Состав Кабинета Министров Республики Татарстан [Электронный ресурс], - URL: <https://tatcenter.ru/whoiswho/kabinet-ministrov-rt/> Обновлено 09.02.2023 (дата обращения : 7.06.2023)
14. Государственный Совет Республики Татарстан. Депутаты шестого созыва [Электронный ресурс], – URL: <https://gossov.tatarstan.ru> (дата обращения : 7.06.2023)
15. В Татарстане количество мечетей достигло 1524 // Республика Татарстан. – 2013. – 28 ноября [Электронный ресурс], – URL: <https://regnum.ru/news/1738666.html> (дата обращения: 15.02.2023).
16. В Татарстане функционируют 193 религиозные организации -URL: <https://realnoevremya.ru/news/253704-v-tatarstane-funkcioniruyut-193-religioznye-organizacii> (дата обращения: 8.06.2023)
17. *Хотинец В.Ю.* О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // Социологические исследования. – 1999. – № 9. – С. 69.
18. *Турнерелли Э.* Казань и ее жители / Пер с фр. Е. Вишленкова, С. Малышева, А. Сальникова // Казанское житье. – Казань: ДОМО «Глобус», 2005. – 1184 с.
19. *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Национально-смешанные семьи сельских районов Среднего Поволжья // Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья; Сб. ст. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1976. – С. 3–27.
20. *Столярова Г.Р.* Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.07: защищена 12.10.2004 / Столярова Гюзель Рафаиловна; Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2004. – 41 с.
21. *Фролова Е.В.* Этнокультурное развитие этнических меньшинств в условиях полиэтничного города (по материалам исследований чувашского, украинского, немецкого и армянского населения гг. Казань и Набережные Челны Республики Татарстан) // Вестник Чувашского университета. – 2006. – No. 3. – С. 203–208.
22. *Баева И.А.* Психологическая безопасность образовательной среды как ресурс психического здоровья субъектов образования // Психологическая наука и образование. – 2012. – № 4. – С. 11–17.
23. *Абсалямова А.Г.* Межнациональные отношения студенчества. Теория и практика. – М.: ФГНУ «ИОО», 2006. – 383 с.
24. *Замогильный С.И., Дикун Н.А.* Социологические аспекты отношения к мигрантам российской и белорусской молодежи // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 1. – С. 48–58.
25. *Ахмедова А.Р., Баженова Н.А., Горшунова Е.Е. и др.* Факторы межэтнической напряженности образовательной среды высших учебных заведений (по материалам социологического исследования в Алтайском гос. ун-те, г. Барнаул) // Социодинамика. – 2021. –

- № 5. – С. 49–61 [Электронный ресурс]. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35769 (дата обращения: 24.02.2023). DOI:10.25136/24097144.2021.5.35769
26. *Кубякин Е.О.* Социально-структурные предпосылки межэтнической напряженности: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04: защищена 26.02.2005 / Кубякин Евгений Олегович; Южно-Российский гос. тех. ун-т. – Новочеркасск, 2005. – 28 с.
27. *Шаповалова О.С.* Этносоциальные символы рождения межэтнического конфликта: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11: защищена 11.04.2008 / Шаповалова Оксана Сергеевна; Южный Федеральный ун-т. – Ростов н/Д, 2008. – 27 с.
28. *Круглова Н.В.* Толерантность как социокультурная норма (западноевропейский опыт): автореф. дис. ... докт. филос. наук: 24.00.01: защищена 29.12.2011 / Круглова Надежда Викторовна; СПбургский гос. ун-т. – СПб, 2011. – 38 с.
29. *Головатая Л.В.* Толерантность как проблема философии образования: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13: защищена 13.06.2006 / Головатая Лариса Владимировна; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2006. – 23 с.
30. *Heider F.* The Psychology of Interpersonal Relations. New York: John Wiley & Sons. Inc.; London: Chapman & Holl, Limited, 1958. – 322 p.
31. *Халитов Р.Г., Юсупов И.М.* Нелинейная модель психосоциального диссонанса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Психология. – 2008. – № 3. – С. 140–148.
32. *Касович А.А.* Технологические аспекты управления политическим протестом в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02: защищена 26.09.2015 / Касович Александр Андреевич; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2015. – 25 с.
33. *Додина Р.Р.* Этнопсихологическое взаимоприятие русских, татар и чувашей Татарстана: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05: защищена 31.10.2008 / Додина Резида Рустамовна; Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 2008. – 24 с.
34. *Bogardus E.S.* Measurement of Personal-Group Relations. *Sociometry*. 1947. Vol. 10. No. 4. Pp. 306–311 [Publish. by: American Sociological Association]. <https://doi.org/10.2307/2785570> (accessed March 21, 2023).
35. *Юсупов И.М.* Этнопсихология народов Татарстана: Учеб. пособие. – Казань: Познание, 2014. – 211 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/326900911-ETHNIC_PSYCHOLOGY_THE_PEOPLES_OF_TATARSTAN (дата обращения: 24.03.2023).
36. Население Татарстана выросло за счет мигрантов / БИЗНЕС Онлайн – Новости Казани [Электронный ресурс] – URL: <https://www.business-gazeta.ru/465600> 20 апреля 2020

References

1. *Wolfers A.* Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: John Hopkins University Press, 1962. 283 p.
2. Respublika Tatarstan: kratkij statisticheskij sbornik [Republic of Tatarstan: a short statistical collection of materials]. Kazan: Tatarstanstat Publ., 2022. 39 p.
3. *Mastikova N.S.* Mezhetnicheskaya napryazhennost' v Rossii i Evrope (po dannym ESS na 2012 g.) [Interethnic tensions in Russia and Europe (according to ESS data for 2012)]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 2016. Vol. 22. No. 1. Pp. 95–113. DOI: 10.19181/socjour. 2016.22.1.3921
4. *Bogatova O.A.* Garmonizatsiya mezhetnicheskikh otnosheniy v regional'nom sotsiume: Avtoref. dis. dokt. sotsiol. nauk [Harmonization of interethnic relations in the regional society: Abstract of thesis doc. social. sci.]. Saransk, 2004. 36 p.
5. *Ol'khovskiy V.V.* Strukturnyye preobrazovaniya zanyatosti naseleniya v sovremennoy ekonomike: avtoref. dis. kand. ekon. nauk [Structural transformations of employment in the modern economy: Abstract of thesis cand. of econ. sci.]. Moscow, 2020. 24 p.

6. *Kostyrya A.V.* Bezrabotitsa i sovershenstvovaniye eye regulirovaniya: avtoref. dis. kand. ekon. nauk [Unemployment and improving its regulation: Abstract of thesis cand. of econ. sci.]. Belgorod, 2010. 25 p.
7. *Khoffer E.* Istinnoveruyushchiy: Mysli o prirode massovykh dvizheniy [True Believer: Thoughts on the Nature of Mass Movements]. *Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy*. Minsk, 2001. <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4270> (accessed February 13, 2023).
8. *Garr R.T.* Pochemu lyudi buntuyut [Why people rebel]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2005. 461 p.
9. *Turner R.H., Killian L.M.* Collective behavior: sociology series. New Jersey: Prentice-Hall, 1957. 547 p.
10. *Sorokin P.A.* Sociologiya revolyucii [Sociology of Revolution]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005. 702 p.
11. *Klandermands B.* Collective political action. *Oxford handbook of political psychology*. Oxford: Oxford University Press, 2003. Pp. 670–709.
12. *Sokolov A.V., Palatnikov D.E.* Indeksnyy analiz potentsiala protestnoy aktivnosti v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii [Index analysis of the potential of protest activity in the constituent entities of the Russian Federation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. No. 4. Pp. 68–74. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41669058> (accessed February 14, 2023).
13. Sostav Kabinetа Ministrov Respubliki Tatarstan. URL: <https://tatcenter.ru/whoiswho/kabinet-ministrov-rt/> Obnovleno 09.02.2023 (accessed June 7, 2023)
14. Gosudarstvenny`j Sovet Respubliki Tatarstan. Deputaty` shestogo sozy`va. URL: <https://gossov.tatarstan.ru> (accessed June 7, 2023)
15. V Tatarstane kolichestvo mechetey dostiglo 1524 [In Tatarstan, the number of mosques reached 1524]. *Respublika Tatarstan*. 2013. 28 noyabrya. URL: <https://regnum.ru/news/1738666.html> (accessed February 15, 2023).
16. V Tatarstane funkcioniruyut 193 religiozny`e organizacii -URL: <https://realnoevremya.ru/news/253704> - v-tatarstane-funkcioniruyut-193-religioznye-organizacii (data obrasheniya: 8.06.2023)
17. *Khotinets V.Yu.* O soderzhanii i sootnoshenii ponyatiy etnicheskaya samoidentifikatsiya i etnicheskoye samosoznaniye [On the content and correlation of the concepts of ethnic self-identification and ethnic self-consciousness]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 1999. No. 9. P. 69.
18. *Turnerelli E.* Kazan' i eye zhiteli [Kazan and its inhabitants]. *Kazanskoye zhit'ye*. Kazan: DOMO «Globus» Publ., 2005. 1184 p.
19. *Busygin E.P., Zorin N.V.* Natsional'no-smeshannyye sem'i sel'skikh rayonov Srednego Povolzh'ya [National mixed families in rural areas of the Middle Volga region]. *Ocherki statisticheskoy etnografii Srednego Povolzh'ya*. Kazan: Izd-vo Kazanskogo gos. un-ta, 1976. Pp. 3–27.
20. *Stolyarova G.R.* Fenomen mezhetnicheskogo vzaimodeystviya: opyt postsovetskogo Tatarstana: avtoref. dis. dokt. ist. nauk [The phenomenon of interethnic interaction: the experience of post-Soviet Tatarstan: Abstract of thesis doc. hist. sci.]. Cheboksary, 2004. 41 p.
21. *Frolova E.V.* Etnokul'turnoye razvitiye etnicheskikh men'shinstv v usloviyakh polietnichnogo goroda (po materialam issledovaniy chuvashskogo, ukrainskogo, nemetskogo i armyanskogo naseleniya gg. Kazan' i Naberezhnyye Chelny Respubliki Tatarstan) [Ethnocultural Development of Ethnic Minorities in the Conditions of a Polyethnic City (Based on Research Materials of the Chuvash, Ukrainian, German and Armenian Population of Kazan and Naberezhnye Chelny of the Republic of Tatarstan)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2006. No. 3. Pp. 203–208.
22. *Baeva I.A.* Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noy sredy kak resurs psikhicheskogo zdorov'ya sub'yektov obrazovaniya [Psychological safety of the educational environment as a resource for the mental health of subjects of education]. *Psikhologicheskaya nauka I obrazovanie*. 2012. No. 4. Pp. 11–17.
23. *Absalyamova A.G.* Mezhnatsional'nyye otnosheniya studenchestva. Teoriya i praktika [Interethnic relations of students. Theory and practice]. Moscow: FGUN «IOO» Publ., 2006. 383 p.

24. *Zamogil'nyy S.I., Dikun N.A.* Sotsiologicheskiye aspekty otnosheniya k migrantam rossiyskoy i belorusskoy molodezhi [Sociological aspects of the attitude towards migrants of Russian and Belarusian youth]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2012. No. 1. Pp. 48–58.
25. *Akhmedova A.R., Bazhenova N.A., Gorshchmova E.E. i dr.* Faktory mezhetnicheskoy napryazhennosti obrazovatel'noy sredy vysshikh uchebnykh zavedeniy (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya v Altayskom gos. un-te, g. Barnaul) [Factors of interethnic tension in the educational environment of higher educational institutions (based on the materials of a sociological study in the Altai State University, Barnaul)]. *Sociodinamika*. 2021. No. 5. Pp. 49–61. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35769 (accessed February 24, 2023). DOI:10.25136/24097144.2021.5.35769
26. *Kubyakin E.O.* Sotsial'no-strukturnyye predposylki mezhetnicheskoy napryazhennosti: avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk [Socio-structural prerequisites for interethnic tension: Abstract of thesis cand. of sociol. sci.]. Novocherkassk, 2005. 28 p.
27. *Shapovalova O.S.* Etnosotsial'nyye simvoly rozhdeniya mezhetnicheskogo konflikta: avtoref. dis. kand. filos. nauk [Ethno-social symbols of the birth of inter-ethnic conflict: Abstract of thesis cand. of philos. sci.]. Rostov n/D, 2008. 27 p.
28. *Kruglova N.V.* Tolerantnost' kak sotsiokul'turnaya norma (zapadnoyevropeyskiy opyt): avtoref. dis. dokt. filos. nauk [Tolerance as a socio-cultural norm (Western European experience): Abstract of thesis doc. of philos. sci.]. Saint Petersburg, 2011. 38 p.
29. *Golovataya L.V.* Tolerantnost' kak problema filosofii obrazovaniya: avtoref. dis. kand. filos. nauk: [Tolerance as a problem of the philosophy of education: Abstract of thesis cand. of philos. sci.]. Stavropol, 2006. 23 p.
30. *Heider F.* The Psychology of Interpersonal Relations. New York: John Wiley & Sons. Inc.; London: Chapman & Holl, Limited, 1958. – 322 p.
31. *Khalitov R.G., Yusupov I.M.* Nelineynaya model' psikhosotsial'nogo dissonansa [Nonlinear model of psychosocial dissonance]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Seriya: Psikhologiya*. 2008. No. 3. Pp. 140–148.
32. *Kasovich A.A.* Tekhnologicheskiye aspekty upravleniya politicheskim protestom v sovremennoy Rossii: avtoref. dis. kand. polit. nauk [Technological aspects of political protest management in modern Russia: Abstract of thesis cand. of polit. sci.]. Saratov, 2015. 25 p.
33. *Dodina R.R.* Etnopsikhologicheskoye vzaimoprinyatiye russkikh, tatar i chuvashy Tatarstana: avtoref. dis. kand. psikholog. nauk [Ethnopsychological mutual acceptance of the Russians, Tatars and Chuvashs of Tatarstan: Abstract of thesis cand. of psychol. sci.]. Yaroslavl, 2008. 24 p.
34. *Bogardus E.S.* Measurement of Personal-Group Relations. *Sociometry*. 1947. Vol. 10. No. 4. Pp. 306–311 [Publish. by: American Sociological Association]. <https://doi.org/10.2307/2785570> (accessed March 21, 2023).
35. *Yusupov I.M.* Etnopsikhologiya narodov Tatarstana: Ucheb. posobiye [Ethnopsychology of the peoples of Tatarstan: Textbook]. Kazan: Poznanie Publ., 2014. 211 p. https://www.researchgate.net/publication/326900911_ETHNIC_PSYCHOLOGY_THE_PEOPLES_OF_TATARSTAN (accessed March 24, 2023).
36. Naselenie Tatarstana vy`roslo za schet migrantov / BIZNES Onlajn – Novosti Kazani. URL: <https://www.business-gazeta.ru/465600> 20 апреля 2020.

Информация об авторах

Резида Рустамовна Хуснутдинова, кандидат психологических наук, доцент факультета педагогики и психологии, E-mail: rezida.81@mail.ru

Ильдар Масгудович Юсупов, доктор психологических наук, профессор факультета психологии и педагогики, E-mail: knyaz5491@mail.ru

---

Information about the authors

Rezida R. Khusnutdinova, Cand. Psych. Sci., Associate Professor of Pedagogy and Psychology Faculty, E-mail: rezida.81@mail.ru

Il'dar M. Yusupov, Doc. Psych. Sci., Professor of Psychology and Pedagogy Faculty, E-mail: knyaz5491@mail.ru